

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»

Кафедра филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и
литература)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

«Нравственные искания писателей деревенской прозы»

Выполнила студентка
4 курса группы ОФз-441
заочной формы обучения
Фомичева Марина Николаевна

(подпись)

Научный руководитель:
Александр Анатольевич Ильин,
кандидат филологических наук, доцент

(подпись)

Допустить к защите:
Заведующий кафедрой
филологии _____

Лариса Юрьевна Фадеева, кандидат
филологических наук, доцент

«__» _____ 2023 г.

Тольятти
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	9
1.1 Своеобразие духовно-нравственной проблематики в русской литературе	9
1.2 Традиции и новые аспекты духовно-нравственного поиска у писателей «деревенской прозы»	16
Выводы	25
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В.М. ШУКШИНА, В.Г. РАСПУТИНА И В.П. АСТАФЬЕВА.....	26
2.1 Лица русской деревни и их нравственный нарратив в малой прозе В.М. Шукшина.....	26
2.2 «Реквием» по деревне в «деревенской прозе» В.Г. Распутина и В.П. Астафьева	43
Выводы	53
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	57

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы, освещающей нравственные искания писателей деревенской прозы В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина определяется следующим: прежде всего, произведения этих авторов являются важной частью культурного наследия России, которое необходимо сохранять и изучать для понимания истории и культуры нашей страны. Во-вторых, в творчестве Распутина, Шукшина, Астафьева с любовью описывается и художественно исследуется жизнь и культура той исконной, деревенской России, которая неизбежно постепенно уходит в прошлое, исчезает под натиском городской культуры и в целом современной цивилизации. Между тем, в этой уходящей России содержатся важные для нас культурные и нравственные коды, и «деревенская проза» как никакая другая литература XX века стремится бережно сохранить их и передать нам и нашим потомкам. Произведения таких авторов, как В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев и других представителей «деревенской прозы» помогают современным россиянам лучше понимать национальную идентичность русского народа, его традиции и обычаи. Для молодого поколения изучение «деревенской прозы» имеет особую значимость, поскольку помогает развивать литературный вкус и расширять читательский кругозор, выходить за рамки привычного и понятного современного круга чтения. И, безусловно, вневременная актуальность изучения нравственных исканий писателей «деревенской прозы» определяется тем, что их произведения затрагивают актуальные, вечные темы человеческого бытия, такие как любовь, семья, память, Родина и др., что делает их содержание вневременным.

Объект исследования в работе – произведения писателей «деревенской прозы» В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина.

Предмет исследования – нравственные искания в произведениях писателей «деревенской прозы» В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина.

Цель работы – изучить своеобразие нравственных исканий писателей «деревенской прозы» В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина.

Задачи:

- 1) рассмотреть своеобразие духовно-нравственной проблематики в русской литературе;
- 2) изучить традиции и новые аспекты нравственного поиска у писателей «деревенской прозы»;
- 3) дать характеристику лиц русской деревни и их нравственного нарратива в малой прозе В.М. Шукшина;
- 4) осмыслить «реквием» по деревне в «деревенской прозе» В.Г. Распутина и В.П. Астафьева.

Теоретическую базу исследования составили научные работы отечественных исследователей, в которых с различных аспектов рассматриваются произведения писателей-«деревенщиков». Среди наиболее значимых работ в этом ряду можно назвать публикации А. Г. Байбордина [2], А. Ю. Большакова [5], И. Н. Иванова [15], Н. В. Ковтуна [18], С. Ю. Королева [21], К. Партэ [32], В. А. Пищальниковой [33], А. Разуваловой [40].

Методы исследования в работе включают в себя историко-литературный, сравнительно-исторический, типологический, герменевтический.

Материалом для проведения исследования послужили прозаические произведения В. М. Шукшина, В. П. Астафьева и В. Г. Распутина, относимые к «деревенской прозе» XX века.

Теоретическая значимость выпускной квалификационной работы определяется тем, что в ней обобщены современные научные представления о характере нравственных исканий писателей-«деревенщиков» В. М. Шукшина, В. П. Астафьева и В. Г. Распутина и о том, как размышления указанных авторов продолжают собой многовековую традицию духовно-нравственных исканий других писателей России, прежде всего, писателей XIX века.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что материал литературоведческого анализа произведений писателей-«деревенщиков» В. М. Шукшина, В. П. Астафьева и В. Г. Распутина, представленный в работе, может в дальнейшем использоваться в преподавании школьного курса современной русской литературы, помогать в формировании развитии нравственной культуры и этического мышления у школьников, поскольку проведенное исследование показало, что произведения писателей-«деревенщиков» В. М. Шукшина, В. П. Астафьева и В. Г. Распутина затрагивают важные нравственные проблемы, такие как историческая память, справедливость, человеческое достоинство, ответственность, милосердие и др. Изучение этих проблем и исканий может помочь школьникам развивать нравственные качества и убеждения, а также принимать более осознанные решения в жизни.

Положения, выносимые на защиту

1. Проведенное исследование показало, что духовно-нравственные искания всегда были присущи представителям русской национальной литературы. В них нашли свое отражение важные, национально-характерные особенности русской души, русского национального характера. Они показывают, что не только сами русские писатели, литераторы, поэты всегда были заинтересованы в поиске духовно-нравственных идеалов, «света истины», смысла жизни, но и сами русские люди, для которых создавали свои произведения отечественные литераторы, одержимы этими поисками, стремятся к духовному совершенству и ищут ответы на сакраментальные вопросы человеческого бытия.

2. Изучение традиций и новых аспектов нравственного поиска у писателей «деревенской прозы» показало, что они по своим взглядам и убеждениям были утопистами, но при этом, утверждая в качестве нравственного идеала образ жизни русской деревни, присущие ей правила человеческого общежития, идеалы нравственности и справедливости, они не говорили о том, что возможно возрождение русской деревни в ее исконном,

извечном виде. Они лишь призывали к по возможности бережному отношению к уходящей в прошлое деревенской жизни, к отказу от тотального отрицания того хорошего, нравственного, духовного, чем некогда жила деревня на Руси. По сути, они предлагали взять основы деревенской духовной нравственности, чистоты, веры в справедливость и Бога в новое, неизбежно наступающее будущее новой России с ее концентрацией жизни в городах с их неизбежной атомизацией населения, механистической ее организацией, оторванности человека от человека и пр.

3. Проведенный в работе анализ художественного творчества трех ключевых представителей «деревенской прозы» показал, что это литературное течение в своих духовных исканиях и поисках ответов на самые острые, бытийные проблемы прошло значительную эволюцию – от мягко-ироничных рассказов о деревенских жителях В. Шукшина до трагедийных повестей В. П. Распутина и В. Астафьева, повествующих об угрозе полной гибели деревенской культуры и нравственности в стране перед лицом наступления города, городской промышленной цивилизации. Если В. Шукшин только констатировал начало распада деревенской среды культуры и нравственности, то В.Г. Распутин и В.П. Астафьев в своих произведениях существенно углубили это понимание. Их произведения, острые, полемические, социально нацеленные, стали фактически художественным «реквиемом» по деревне в «деревенской прозе».

Структура работы включает в себя введение, две главы основной части, заключение и библиографический список. В первой главе работы исследуется феномен «деревенской прозы» в контексте духовно-нравственных традиций русской литературы. Во второй главе работы выявлена и осмыслена проблематика и поэтика «деревенской прозы» в произведениях В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и В.П. Астафьева.

Апробация результатов исследования проведена в виде докладов на научных конференциях, представления на семинарах и публикаций в электронном виде.

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1 Своеобразие духовно-нравственной проблематики в русской литературе

Духовно-нравственные искания и связанная с ними философская проблематика для русской литературы являются одной из главных тем, которая прослеживается в ней на протяжении многих веков, начиная с самых ранних этапов ее зарождения и становления. Русская литература всегда была богата философскими и этическими вопросами, и не случайно, ведь они отражали и продолжают отражать сегодня глубинные духовные и нравственные поиски русского народа.

И. И. Виноградов, посвятивший исследованию духовно-нравственных исканий и проблем русской литературы свою недавнюю монографию, вышедшую в 2005 г., указывает, что не заниматься анализом этого важнейшего аспекта отечественной словесности невозможно, поскольку тогда без ответов будут оставаться очень важные вопросы, например: «Почему Лев Толстой, знаменитейший писатель и счастливый семьянин, на самой «вершине» своей жизни едва не решился на самоубийство?.. Почему Достоевский называл себя «реалистом в высшем смысле»? В каком – «высшем»?.. Почему Понтий Пилат Михаила Булгакова должен был признать, что трусость – это самый страшный порок?..» [7, с.2].

Следует отметить, что вопросами духовно-нравственных исканий русских писателей отечественное литературоведение занимается уже продолжительное время. Так, в советский период была издана важная для понимания данной темы книга «Нравственные искания русских писателей» [41] А. П. Скафтымова, который всегда отличался пристальным вниманием к нравственным исканиям российских писателей-классиков. С одной стороны, А. П. Скафтымов, исследуя литературное творчество Ф. М. Достоевского,

Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова и др., сторонился особого выделения «чистой» моралистической проблематики, проповеднического, так сказать, ее заострения в их произведениях. С другой стороны, как вдумчивый литературовед, он стремился проникнуть в самое ядро социально-этического учения писателей, исследовать и научно интерпретировать нравственные идеи их произведений таким образом, чтобы они при этом не утратили эмоционально-художественной привлекательности. При этом А. П. Скафтымов глубоко ценил высокий «учительный», моральный настрой произведений русских классиков и полагал, что они – каждый собственными средствами художественной выразительности осуществляли «задачи человековедения» [34, с. 11], то есть исследовали духовно-нравственную природу человека и его поведение в ситуации нравственного выбора.

Острый интерес российских писателей к духовно-нравственным вопросам и связанной с ними проблематике не случаен. Во многом он обусловлен особым генезисом русской словесности: она в своих корнях восходит в древнерусской литературе, которая была тесно связана с религиозной культурой русского народа и, прежде всего, с его христианской традицией, что неизбежно отразилось на ее духовном содержании. Большинство произведений древнерусской литературы были написаны в опоре и с ориентацией на этические постулаты христианства и в проблемно-тематическом плане неизбежно касались тех духовно-нравственных вопросов, которые искони присущи христианскому вероучению. Это, в частности, вопросы о нравственности, справедливости, добре и зле, грехе и его последствиях для жизни человека и бытия его бессмертной души. Уже ранние авторы произведений древнерусской словесности стремились передать своим читателям понимание важности, значимости соблюдения определенных моральных принципов и нравственных ценностей, без которых жизнь человека утрачивает смысл, а душа – обречена на гибель.

Одним из закономерных следствий ориентации древнерусской литературы на вопросы духовности и нравственности стал и ее особый «жанровый строй»: основными и широко представленными в древнерусской литературе оказались такие жанры художественных произведений, как жития святых, проповеди, исповеди и др.

Одним из наиболее известных произведений древнерусской литературы, выступающих примером отражения актуальной для русских писателей духовно-нравственной проблематики и духовно-нравственных исканий, является «Поучение» Владимира Мономаха [35]. В нем, как указывает Л. Г. Дорофеева, автор-повествователь обращается «к Священному Преданию, в котором он живет и из которого говорит», поднимает вопросы о путях духовного спасения человека и приходит к мысли о том, что такое спасение «возможно только из личного опыта религиозной жизни и из покаянного собственного чувства (...). Мономах вначале самоопределяется в отношении к Богу и своей душе и затем, из смиренного предстояния перед Истиной, он, пропуская ее через себя, свой опыт, дальше в любви передает ее своим чадам уже как духовный наставник» [14, с. 97-101].

Многие исследователи согласны с тем, что Владимира Мономаха с его «Поучением» следует считать одним из родоначальников учительного, духовно-наставительного начала в российской словесности, которое в дальнейшем будет только укрепляться и расширяться, активно поддерживаемое исканиями и литературным творчеством писателей более поздних эпох – А. М. Карамзиным, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и др.

В конечном итоге именно на основе этой учительной литературной традиции, начало которой положил Владимир Мономах, сформируется особый пафос русской литературы, который позволит, в частности, Л. В. Уманцевой высказать мнение о том, что «изначально русской литературе было предназначено стать «учебником жизни», «душевым лекарством», «вернейшим градусником духовного здоровья общества», выразителем духовных и моральных качеств русского православного

человека, его устремлений к Высшему Разуму, его побед и поражений на пути поиска истины Божьей» [43, с. 4]. По мнению исследовательницы, русская литература изначально, «отталкиваясь от веры русского человека в Высший Разум, в триединство Бога: Бога Отца, Бога сына и Бога Святого Духа – Создателя жизни на земле, была наполнена нравственностью и духовностью» [43, с. 4].

Следует, однако, отметить, что развитие духовно-нравственной проблематики в русской литературе шло сложными, непрямыми путями. Русская литература с самых ранних своих произведений не только утверждала высокую значимость нравственности, духовных идеалов для формирования личности человека, его праведной жизни и подготовки души к вечному бытию. В ней, начиная с древнейших памятников словесности, развивалось и критическое направление, представители которого обращали внимание не только и не столько на сами духовные идеалы, но и на то, что мешает их достижению – как в самом человеке, так и в окружающем его обществе. Иначе говоря, духовно-нравственные поиски русских писателей изначально были тесно связаны с духовно-нравственной и социальной критикой тех явлений, которые мешают душе человека стремиться, возвышаться к Абсолюту, приводят его к ошибкам, вероотступничеству, греху и даже преступлению.

Ярким примером этого может служить ставшее широко известным «Моление Даниила Заточника» - произведение, которое по своей форме представляет собой своеобразное «дидактическое послание», исполненное в жанре поучений, в котором «автор претендует на роль учителя нравственной и практической премудрости» [45], но при этом широко и остро критикует те изъяны окружающей его жизни, которые отвращают человека от духовности, приводят к грехопадению. Так, критике автора подвергаются в «Молении...» «монахи и монахини... имеющие ангельский образ и манеры блудниц, достоинство отца и привычки блудников», «злые жены» [26] и др.

Вероятно, в этом симбиотическом сочетании высокого стремления к духовности, религиозности, нравственному идеалу в мыслях и поведении, с одной стороны, и острой критики социальных изъянов, поведенческих и нравственных пороков самих людей, с другой стороны, и заключается «движущий механизм» многовековых духовно-нравственных исканий русских писателей. Многие из них разрывались между этими двумя полюсами – социально-критическим и нравственно-учительным. Они понимали, что стремление к высокому нравственному идеалу, Абсолюту, вере, добродетели и т.д. для человека экзистенциально необходимо, поскольку без этого человек перестает быть человеком. Но, с другой стороны, они осознавали несовершенство, греховность, слабость, изменчивость человеческой природы, в силу которых человека легко сбить с правильного пути, соблазнить на плохое, при этом часто человек сам совершает отступничество от основ нравственности и духовности, когда опирается в своих действиях исключительно на разум, а не на душу.

За долгий период исторического развития духовно-нравственной, учительной традиции в русской литературе сформировался целый ряд главных тем, с которыми прежде всего были связаны духовно-нравственные искания отечественные писатели и литераторы.

Одной из сквозных для отечественной словесности в этом плане является тема поиска смысла жизни. Вопросы об этом ставили многие русские писатели с древности, хотя считается, что само словосочетание «смысл жизни» «в обиход... ввел Л.Н. Толстой в своих «Дневниках» где-то в середине XIX века, а до этого употреблялись словосочетания «цель жизни» и «цель бытия»» [9, с. 80-86].

Тем не менее, ответы на сакраментальный вопрос о том, в чем состоит высшее предназначение человеческой жизни, ее смысл, руководящая идея, цель и пр. искали многие российские мыслители и писатели. Более того, с решением этого фундаментального вопроса были связаны и иные острые вопросы человеческого Бытия, поднимавшиеся в русской литературе, – о

жизненной справедливости, смысле человеческих страданий и в том числе смысле смерти. С. Г. Воркачев в связи с этим высказывает мнение, что «озабоченность поисками смысла жизни – это, очевидно, характерная черта русского национального характера: «Русский – это тот, кто страдает в поисках смысла жизни, но не печалится, посадив виолу в карты...» (Гладильщиков)» [9, с. 80].

Этот тезис нельзя назвать преувеличением, поскольку свои ответы на вопрос о смысле жизни и человеческого бытия пытались и продолжают давать сейчас практически все писатели отечественной литературы. Так, Л. Н. Толстой смысл жизни видел в Боге. Он указывал, что «Бог есть та сущность жизни, которую человек сознает в себе и познает во всем мире как желание блага и осуществление его» [43].

Всю свою непродолжительную жизнь искал ее смысл и А. С. Пушкин. В свойственной ему афористичной поэтической форме поэт вопрошал, например: «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?» [37]. И сам же давал на поставленный вопрос самые разные варианты ответов. Так, в одни периоды он отказывался искать смысл жизни за ее пределами, в вечном бытии, а указывал на то, что смысл жизни состоит в ней самой, в присущей ей «непосредственной живой радости». Не случайно он говорил: «Жизнь есть не только подготовка к завтрашнему дню, но и непосредственная живая радость» [38]. Но в другие периоды, наоборот, А. С. Пушкин отказывался видеть хоть какой-то смысл в сиюминутном бытии и потому писал: «Сердце в будущем живёт; настоящее уныло». Бывало и так, что в минуты глубокого отчаяния он был готов поверить в то, что смысла жизни, цели бытия нет вовсе» [39] («Нет правды на земле, но правды нет и выше»).

Своеобразно ставил вопрос о смысле жизни один из наиболее глубоких, философских писателей России Ф. М. Достоевский. Признавая значимость этого вопроса, писатель, тем не менее, говорил, что «надо любить жизнь больше, чем смысл жизни» [50]. Тем самым, он фактически

утверждал, что сама жизнь есть высший смысл, а размышления о ее цели, смысле – вторичны. Но парадоксальным образом в другие периоды писатель утверждал, что всякая «жизнь задыхается без цели» [50].

Следует отметить, что, заявленный уже в ранних произведениях русской литературы вопрос о цели и смысле человеческой жизни, не покидает ее и по настоящее время. Так, например, им задается один из наиболее ярких российских писателей современности В. Пелевин, утверждая, что «поиск смысла жизни – сам по себе единственный смысл жизни» [10].

Наряду с вопросами о смысле и цели человеческой жизни другой важной темой, связанной с духовно-нравственными исканиями, в отечественной словесности стало духовное и нравственное развитие личности. Каждый русский писатель в той или иной форме обращался к этой теме и связанным с ней проблемам и стремился показать, как, с одной стороны, человек может преодолеть свои недостатки и стать лучше, достичь духовного совершенства (например, А. И. Штольц в романе И. А. Гончарова «Обломов», «особенный человек» Рахметов из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и др.), и как, с другой стороны, поддавшись собственным слабостям, потакаая дурным началам своей личности, он может опуститься, деградировать, потерять всякий истинный смысл своего бытия (Обломов в романе И. А. Гончарова «Обломов», Манилов, Ноздрев, Собакевич, госпожа Коробочка и др. персонажи повести Н. В. Гоголя «Мертвые души», Салтычиха из повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» и др.).

Третьей важной темой, связанной с духовно-нравственными исканиями в российской словесности, является проблема поиска границ человеческой морали и этики, допустимых и недопустимых правил человеческого поведения и общежития. Русские писатели часто обращались к этой теме, стремясь отыскать ответ на вопрос о том, какие нравственные принципы и начала должны руководить человеком в его жизни, какие ценности являются наиболее важными и какие поступки являются нравственно-правильными, а

какие – категорически недопустимы и ведут к гибели не только самого человека, но и его бессмертной души. Наиболее остро эти «крайние вопросы» человеческого бытия и человеческой нравственности поставил Ф. М. Достоевский в своих романах «Преступление и наказание» (знаменитый вопрос, которым мучился его герой Раскольников – «тварь я дрожащая или право имею»), «Идиот», «Братья Карамазовы» и др.

В целом сегодня, обозревая долгий, многовековой этап развития российской словесности, можно говорить о том, что духовно-нравственные искания всегда были присущи представителям русской национальной литературы. В них нашли свое отражение важные, национально-характерные особенности русской души, русского национального характера. Они показывают, что не только сами русские писатели, литераторы, поэты всегда были заинтересованы в поиске духовно-нравственных идеалов, света истины, смысла жизни, но и сами русские люди, для которых создавали свои произведения отечественные литераторы, одержимы этими поисками, стремятся к духовному совершенству и ищут ответы на сакраментальные вопросы человеческого бытия.

1.2 Традиции и новые аспекты духовно-нравственного поиска у писателей «деревенской прозы»

В каждый исторический период своего развития российская словесность порождала особые литературно-художественные явления, вокруг которых концентрировался длящийся на протяжении многих столетий поиск ответов на острые, бытийные, тревожащие русского человека вопросы духовно-нравственного поиска. В середине – второй половине XX века таким эстетическим феноменом стало появление в отечественной литературе так называемой «деревенской прозы».

Понятие «деревенская проза» было введено в русскую литературу XX века благодаря А. Твардовскому, который в целом сыграл важную роль в

формировании этого литературного явления. Прежде всего, А. Твардовский придумал термин «малая родина», ставший одним из ключевых сперва для писателей-деревенщиков, а затем и в целом для россиян. В 1950-е он писал: «У большинства людей чувство родины в обширном смысле – родной страны, отчизны – дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей – пусть самой скромной и непритязательной – красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, а с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и в великом целом своем – для всех одна» [36].

Значимость понятия «малая родина» для феномена деревенской прозы России середины – второй половины XX века сложно переоценить, поскольку большинство писателей-деревенщиков строили свои произведения именно вокруг образов «малой родины», которая для каждого из писателей была своя и которая при этом для каждого обладала наивысшей духовной ценностью как место, где человек появился на свет, где впитал в себя все наиболее значимые для его личности представления о жизни, правилах поведения, морали, нравственности и пр.

Высоко ценя произведения российских писателей, посвященных «малой родине», А. Твардовский, будучи редактором журнала «Новый мир», давал им возможность публиковать свои произведения. Таким образом, во многом благодаря А. Твардовскому в русскую литературу середины – второй половины XX века вошел целый ряд значимых в художественном, литературно-философском и духовно-нравственном отношении произведений, посвященных русской деревне, ее прошлому, настоящему и будущему.

Обратив внимание на растущий интерес отечественных прозаиков и «толстых журналов» к образу деревни, к деревенской жизни, быту и

присущим деревне России проблемам, литературные критики «Нового мира» (И. Дедков, И. Виноградов), современники А. Твардовского, теоретически обосновали и стали применять на практике понятие «деревенская проза». Вслед возникло и связанное с ним понятие – «писатели-деревенщики», которым стали обозначать круг авторов, прозаиков, посвятивших свои произведения описанию «жития» русской деревни в период бурных социальных, политических и экономических трансформаций нашего общества в XX веке. Сегодня это понятие укрепилось в литературоведении и широко используется учеными [40].

Термин «деревенская проза» сегодня используется для описания широкого ряда художественных прозаических произведений, в которых их авторы – писатели-деревенщики, сами своими корнями происходившие из деревни или имевшие тесную связь с деревенской жизнью – обращались к исследованию проблем деревенской жизни, ее духовно-нравственного и житейского бытия.

А. Твардовский полагал, что деревенская проза является важным направлением в русской литературе, которое позволяет показывать жизнь и проблемы русской деревни во всей их многогранности и сложности в тот исторический период, когда под активным натиском городской культуры старый, уютный, овеянный многовековой историей уклад деревенской жизни стал постепенно, но явно уходить в прошлое.

Вопрос о том, насколько эстетически и духовно значимым для России является феномен «деревенской прозы», и по настоящий день является дискуссионным и актуальным для нашей страны. Не случайно, когда в 2016 г. региональным журналом «Двина» была инициирована общественная дискуссия «Деревенщики. За и против», она вышла далеко за журнальные рамки и неожиданно охватила просторы всей страны, когда в эту дискуссию вступил сайт Союза писателей России «Российский писатель». Ключевым вопросом полемики между учеными, писателями, мыслителями стал вопрос о

том, «отпели ли писатели-деревенщики русскую деревню или пропели ей величальную?» [31, с. 53-68].

Анализ материалов дискуссии показывает, что к единому знаменателю ее участникам прийти не удалось, поскольку были высказаны самые разные, порой диаметрально противоположные позиции о сущности «деревенской прозы» и ее роли в отечественной литературе и – шире – культуре XX века.

Так, по мнению В. Яковлева, важнейшее значение «деревенской прозы» для российской словесности состоит в том, «писатели-деревенщики артикулировали страдания и надежды этой нашей исконной Родины», деревенской России, которая «есть Россия корневая, земляная. Откуда ВСЁ» [31, с. 53-68]. Также В. Яковлев акцентировал внимание на особом духовно-нравственном поиске, который составляет сердцевину «деревенской прозы», в которой, по его мнению, «рукою писателя водит истерзанная и кричащая от боли Родина, она пытается пробиться сквозь коросту душевной чёрствости к совести современников. К совести и, стало быть, к разуму» [31, с. 53]. В понимании В. Яковлева русские писатели-деревенщики были движимы одним желанием, «хотели одного – взросления читателя, чтобы читатель из обывателя превращался в гражданина» [31, с. 53].

Исследователь подчеркивал не только высокий нравственный пафос, особое учительство «деревенской прозы», ориентированной на воспитание в русских людях чувства гражданственности, но и ее особую действенность, реальную способность влиять на социальную ситуацию в стране. Так, по мнению ученого, писатели-деревенщики мастерски художественно описали «симптоматику недугов России деревенской» и, стремясь «докричаться до тех представителей власти, у которых ещё не умерла совесть» [31, с. 53], смогли многое. В частности, «писатели-деревенщики вынудили власть отказаться от идиотской затеи обратить течение рек». Кроме того, они многое сделали для советской интеллигенции, дав ей «шанс опомниться и начать думать» [31, с. 53] в тот момент, когда «русская интеллигенция

погрязла во второстепенной проблематике, не заметив главного: что вообще происходит?» [31, с. 53].

О высокой ценности «деревенской прозы» в ходе дискуссии 2016 года говорили и другие участники обсуждений. Например, А. Смолин подчеркнул глубокий провидческий пафос произведений писателей-деревенщиков, которые, по его мнению, «подказали все процессы, которые мы наблюдаем в России» [31, с. 53].

Немало было сказано в ходе дискуссии и о том, что произведения «деревенской прозы» ценны для отечественного читателя тем, что «деревенщики – те, кто выразил трагедию уничтожаемой и уходящей деревни. (...) Это трагедия, сознательно сотворённая, ускоренная, но свершившаяся – отсюда взлёт». По мнению А. Боброва, тем самым писатели-деревенщики продолжили более раннюю традицию русской литературы – «прощаться на высочайшей ноте», как это произошло, «например, с дворянством: Бунин, Блок...» [31, с. 55].

Интересную и глубокую по своей сути мысль об истинной ценности «деревенской прозы» для отечественной литературы и – шире – культуры высказал в ходе дискуссии Н. Дорошенко, который отметил, что «деревенская литература появилась как нечто особенное не потому, что вдруг зазвучала тема деревни в прозе и поэзии (о деревне и крестьянах писать не переставали со времен «Бежина луга»), не потому, что выпало именно крестьянину Белову не просто написать историю жизни крестьянина Ивана Африкановича, а потому, что «Привычное дело» – это в советской литературе впервые не о борьбе за урожай и не о переменах к лучшему в колхозной жизни, а просто о человеке таком, каков он есть» [31, с. 56].

Иначе говоря, «деревенская проза» особо ценна для российской и, прежде всего, советской литературы тем, что она вновь после долгих десятилетий исключительно социального пафоса, присущего литературе СССР послереволюционного периода, повернула отечественную словесность лицом к человеку, к его корням, к истокам его нравственности, поведения и

вновь, как прежде, поставила ребром вопрос об истинном смысле человеческого существования и о возможности его обретения тогда, когда человек отрывается от своих корней, теряет связь со своей «малой родиной». Можно в полной мере согласиться с мыслью Н. Дорошенко о том, что «после 1917 года русская литература во всех её высоких смыслах заново родилась именно в колыбели литературы деревенской» [31, с. 56].

В 1950-1970-х годах в России сложился весьма широкий круг авторов, которые занимались «деревенской прозой». Одним из первых прозаиков, воспевших на страницах своих произведений жизнь русской глубинки, российской деревни, стал В. Овечкин, написавший цикл проблемных очерков «Районные будни», которые «привлекли внимание общества тем, что в них честность художественного изображения жизни побуждала к борьбе с косностью, ошибками, недостатками», возвращала людей от дурного – казенщины, равнодушия, тупости, нерадивости, двурушничества и др. – к необходимости жить по совести, по нравственным канонам, правилам, которые издревле были присущи русскому народу.

Вслед за Овечкиным тему деревни, проблем ее существования и ее будущего стали развивать в своих произведениях и другие писатели середины – второй половины XX века: В. Тендряков, С. Воронин, С. Антонов, А. Яшин, М. Алексеев, С. Залыгин, В. Астафьев, В. Афонин (Сибирь), С. Багров, М. Ворфоломеев, Ф. Искандер (Абхазия), В. Крупин, С. Крутилин, В. Липатов, В. Лихоносов, В. Личутин, Б. Можаяев, Е. Носов, П. Проскурин, В. Распутин, В. Семин, В. Солоухин, Г. Троепольский, В. Шукшин и др. Как видно из представленного выше перечня имен, «деревенская проза» в советской литературе XX века стала не единичным, а весьма массовым явлением. Этому во многом способствовало то, что после тяжелых социальных потрясений и катаклизмов, которые пережила страна в 1910-1940-е годы, в обществе возник острый запрос на поворот к человеку, к его духовности, внутренней жизни, социальным и духовно-нравственным проблемам и исканиям. Достоинство писателей-деревенщиков состоит в том,

что они все эти значимые для российского читателя темы стали раскрывать на подлинно национальном, глубинном материале, который имеет безусловную ценность для всех без исключения жителей страны, - на материале русской деревни, которая вместе с русским человеком в XX веке претерпела все те страдания, которые выпали на его душу.

При этом важно отметить, что само по себе обращение писателей-деревенщиков к поиску ответов на сложные, бытийные вопросы в деревне, точнее – в среде русской деревенской жизни не является чем-то эксклюзивным и уникальным. Оно в целом вписывается в давнюю литературную традицию отечественной словесности, которая и прежде не раз в поисках ответов на острые духовно-нравственные вопросы обращалась к русской деревне.

Как отмечает И. Н. Иванова, это во многом было обусловлено тем, что «исторически Россия сформировалась и существовала в течение многих веков как страна аграрная, крестьянская, деревенская. Именно с деревней, с крестьянской общиной связывали нашу национальную самобытность и даже религиозную идентичность (крестьянин = христианин, деревня – хранительница православной веры)». И неслучайно поэтому «русские писатели XVIII-XX веков, от Радищева до советских «деревенщиков», видели в крестьянине опору государства, сочувствовали его тяжелой жизни, восхищались трудолюбием, смекалкой, природной одаренностью, христианским смирением или революционным потенциалом (в зависимости от собственных взглядов)» [15, с. 88-94].

Таким образом, в творчестве писателей-деревенщиков возвращение к деревне было не только возвращением к своим корням, личным жизненным истокам, но и возвращение эстетическое, художественное – к истокам национальной нравственности, в которой одной черпали ответы на свои «крайние вопросы» бытия многие русские писатели прошлого.

Однако возврат к образу деревни, ее смысловому и ценностному пространству у писателей-деревенщиков не был формальным, механическим.

Драмы и трагедии российского общества XX века поставили перед ними многие старые вопросы в новом облике, на фоне новых реалий, с которыми пришлось столкнуться жителям России в двадцатом столетии – Гражданской войны, коллективизации, раскулачивания, революционных социалистических преобразований деревенской жизни (появление колхозов, совхозов, разрушение крестьянской общины и пр.), столкновения «городского» и «деревенского» уклада жизни, укрупнения и последующей неизбежной гибели многих «неперспективных» деревень и т.д. В силу новых обстоятельств многие старые духовно-нравственные вопросы приобрели новое, более острое звучание.

Нередко писателей-деревенщиков упрекают в том, что они не просто вернули интерес российского читателя к деревне, к ее образу жизни, к нравственным началам исконного для России деревенского бытия, но и в определенном роде создали утопические представления о русской деревне. Действительно, в целом писатели-деревенщики позиционировали себя в качестве защитников традиционных нравственных ценностей, хранительницей которых для них главным образом была русская деревня. Ее социальный и духовный мир писатели-деревенщики противопоставляли миру «развратного, порочного, бездуховного города». Свое выражение «деревенская утопия», рисовавшаяся во многих произведениях писателей-представителей «деревенской прозы», находила, например, в определенной идеализации жизни деревенского населения, которое, в отличие от городского, живет в гармонии с природой, уважает традиции и обычаи, имеет более простой, размеренный, неспешный и в целом естественный, а потому гармоничный образ жизни.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что, находя свой нравственный идеал жизни в укладе русской деревни, писатели-деревенщики, тем не менее, в целом не уходили от изображения и проблем, и трудностей, и даже подлинных трагедий, с которыми в XX веке лицом к лицу столкнулась русская деревня.

Ярким примером в этом отношении могут служить произведения писателя-деревенщика В. Распутина «Прощание с Матерой», «Последний поклон» и другие. С одной стороны, В. Распутин утверждал, что «и традиции, и законы общежития, и корни наши – оттуда, из деревни. И сама душа России – если существует единая душа – тоже оттуда». С другой стороны, он был далек от идеализации русской деревни и признавал, что «деревню русскую начали уничтожать ещё в советское время. (...) И корни эти, похоже, не способны дать побегов» [6].

Таким образом, настаивая на том, что корни русского духовно-нравственного идеала лежат в глубине деревенской жизни, писатель, тем не менее, не идеализировал положение современной ему русской деревни. Наоборот, он с высоким художественным мастерством обнажал те острые социальные проблемы, с которыми пришлось столкнуться русской деревне в XX веке. И при этом он не испытывал иллюзий о том, что русская деревня в ее исконных духовных корнях может быть возрождена в России. Говоря о том, что «человек не может потерять тяги к земле, необходимости работать на ней» [6], В. Распутин одновременно с этим признавал, что в России никогда уже «не будет тех глубин, что были прежде. Ведь деревня существовала не только на местности, но и внутри каждого из нас, кто из неё вышел» [6].

Основная мысль писателя состоит в том, что это «чувство родства» русского человека с деревней «ещё долго будет в нас тлеть – как на пожарище, которое выжгло много что из самого необходимого» [6]. Но тем не менее, писатель признавал объективную реальность: старая, исконная русская деревня безвозвратно уходит в прошлое, и с ней утрачивается что-то очень важное в русской духовности, нравственности, образе мыслей и жизни.

Выводы

Таким образом, сегодня мы не можем говорить о том, что писатели-деревенщики были утопистами в чистом виде. Утверждая в качестве нравственного идеала образ жизни русской деревни, присущие ему правила человеческого общежития, идеалы нравственности и справедливости, они не говорили о том, что возможно возрождение русской деревни в ее исконном, извечном виде. Они лишь призывали к по возможности бережному отношению к уходящей в прошлое деревенской жизни, к отказу от тотального отрицания того хорошего, нравственного, духовного, чем некогда жила деревня на Руси. По сути, они предлагали взять основы деревенской духовной нравственности, чистоты, веры в справедливость и Бога в новое, неизбежно наступающее будущее новой России с ее концентрацией жизни в городах с их неизбежной атомизацией населения, механистической ее организацией, оторванности человека от человека и пр.

О том, что такое стремление было в целом близко не только самим писателям-деревенщикам, но и жителям страны, свидетельствует тот факт, что созданный в «деревенской прозе» и отмеченный некоторым налетом утопизма образ русской деревни был востребован и вызывал интерес у российских читателей. Для многих советских людей произведения «деревенской прозы» послужили источником вдохновения и мотивации к изменению, переосмыслению своей жизни, наполнения ее новыми смыслами, обращения ее в лучшую, более духовную, нравственную сторону.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В.М. ШУКШИНА, В.Г. РАСПУТИНА И В.П. АСТАФЬЕВА

2.1 Лица русской деревни и их нравственный нарратив в малой прозе В.М. Шукшина

Среди представителей «деревенской прозы» середины – второй половины XX века одним из ярких авторов является В. М. Шукшин.

Василий Макарович Шукшин (1929-1974) родился в алтайском селе Сростки в крестьянской семье. Его отец, Макар Леонтьевич Шукшин (1912-1933) работал в колхозе «Пламя коммунизма», был арестован по подозрению в участии в «антиколхозном заговоре» и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 году. После ареста отца и до получения паспорта Шукшин именовался по материнской фамилии Василием Поповым.

В 1943 году Шукшин окончил «семилетку» в селе Сростки и поступил в Бийский автомобильный техникум. Учился там два с половиной года, однако техникум не окончил. Вместо этого в 1945 году пошёл работать в колхоз в селе Сростки. В колхозе проработал недолго, в 1946 году покинул родное село. В 1947 – 1949 годах Шукшин работал слесарем на нескольких предприятиях треста «Союзпроммеханизация». В 1949 году Шукшин был отправлен на Военно-Морской флот. Служил матросом на Балтийском флоте, затем радистом на Черноморском флоте СССР.

Литературная деятельность Шукшина началась в армии, именно там он впервые попытался писать рассказы, которые читал своим сослуживцам. В 1953 году был комиссован из флота из-за обнаружившейся язвы желудка и вернулся в село Сростки.

В родном селе Василий Макарович сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в сростинской средней школе № 32. Пошёл работать учителем русского языка и словесности в Сростинской школе сельской молодёжи. Некоторое время был даже директором этой школы.

В 1954 году Шукшин отправился в Москву поступать во ВГИК. Чтобы собрать деньги на дорогу, его мать продала корову. Сначала Шукшин подал документы на сценарный факультет, но затем решил поступать на режиссёрское отделение и закончил его в 1960 году (мастерская Михаила Ромма).

В 1956 году состоялся дебют Шукшина в кино: в фильме Герасимова «Тихий Дон» он сыграл в крошечном эпизоде – изобразил выглядывающего из-за плетня матроса. С этой роли и началась кинематографическая судьба Шукшина-актера. Летом следующего года В. М. Шукшин оказался на практике в Одессе и совершенно внезапно получил приглашение от режиссера Марлена Хуциева сыграть главную роль в его фильме «Два Федора», который вышел на экраны страны в 1959 году.

К писательскому творчеству В. М. Шукшин стал присматриваться еще в студенческие годы, во время учёбы во ВГИКе, когда по совету М. Ромма начал рассылать свои рассказы в столичные издания. Первый рассказ будущего известного писателя был опубликован в 1958 году в журнале «Смена». Им стал рассказ «Двое на телеге», который сразу же задал основную «деревенскую» тему в творчестве В. М. Шукшина. А в 1963 году из печати вышел первый сборник рассказов писателя, который эту тему окончательно закрепил своим названием – «Сельские жители» по одноименному названию ключевого, открывающего сборник рассказа.

Рассказ «Сельские жители» символичен для понимания деревенской прозы В. М. Шукшина, поскольку в нем в образной форме запечатлен тот ключевой подход к изображению русской деревенской жизни середины XX века, который в дальнейшем станет визитной карточкой писателя, – через показ не столько самих деревенских и сельских реалий, сколько через представление читателям разнообразных персонажных образов, характерных для русской деревни. Главные из рассказов писателя, вобравших в себя эти многочисленные и разнохарактерные образы, были написаны В. М. Шукшиным в 1960-1974 гг. [49].

В основе «деревенской прозы» писателя лежит один доминирующий жанр – рассказ. В системе прозаических жанров литературы рассказ – это наиболее лаконичный, небольшой по объему и пространственно-временному охвату событий жанр. В силу этого субъектная организация произведений, созданных в жанре рассказа, как правило, очень локальная, в рассказе не бывает «галереи типов», какую можно встретить, например, в романе или, что еще вероятнее, в романе-эпопее.

В целом в жанровом отношении «деревенские» рассказы В. М. Шукшина представляют классическую форму рассказа, в которой читателям предстает одна небольшая история-зарисовка из сельской или деревенской жизни. Однако В. М. Шукшин за время своего писательского творчества создал широкий ряд небольших произведений – рассказов, благодаря чему из образов многочисленных шукшинских персонажей, героев его малой прозы, в конечном итоге складывается пестрый и очень разнообразный калейдоскоп образов знакомой ему с детства русской деревни.

Особенность малой деревенской прозы писателя, прежде всего, состоит в том, что непосредственному описанию деревенского быта, уклада, пейзажей и пр. (то есть бытописанию) В. М. Шукшин уделяет существенно меньше внимания, нежели изображению образов своих героев, каждый из которых, несмотря на малый жанровый формат рассказа, предстает перед читателем как уникальная, неповторимая личность, целостный характер, со своими особенными чертами, странностями и «чудинками».

Основу галереи образов русской деревни в прозе В. М. Шукшина образуют преимущественно образы крестьян, которые, как некогда прежде их предки, живут старым деревенским укладом и совсем не похожи на городских жителей. Они любопытны и сметливы, но при этом осторожничают, когда сталкиваются с чем-то новым, как это искони было свойственно русскому крестьянину, который никогда «сломя голову в

полымя» не лез, а жил преимущественно по поговорке «Семь раз отмерь – один отрежь».

Такова, например, главная героиня рассказа «Сельские жители» бабка Маланья, сын которой Павел давно покинул родную деревню и живет в столице. Получив раз от сына телеграмму, бабка Маланья захотела было съездить в Москву, повидать его, познакомиться с внуками, которых знала «только по карточке». Однако, как это свойственно деревенским жителям, просто собраться и поехать бабка Маланья не могла – она решила узнать мнение более опытных, знающих людей, которым в ее окружении оказался школьный завхоз Егор Лизунов. Для извечной деревенской жительницы, которая пределы своей деревни ни разу не покидала, Егор Лизунов стал своего рода экспертом в вопросе путешествий. Повествователь в рассказе отмечает: он «много ездил на своем веку, летал на самолетах». Не случайно именно его бабка Маланья вызвала для совета, чтоб тот «рассказал все по порядку – как и что». Вокруг этого вопроса, который неожиданно встал перед бабкой Маланьей, – лететь или нет к сыну Павлу в Москву – строится весь сюжет рассказа «Сельские жители».

Своеобразие сюжетного построения произведения состоит в том, что никакого серьезного событийного действия в полной мере в рассказе В. М. Шукшина не происходит. Главным объектом изображения у писателя становятся не столько действия героев, сколько их разговоры, диалоги и обсуждение главного волнующего вопроса. В это вовлечены все – бабка Маланья, Егор Лизунов и внук Маланьи Шурка, сын ее дочери, у которой «не клеилась жизнь» и которую «бабка уговорила отдать ей пока Шурку». В рассказе Шукшин раскрывает перед нами образы и характеры героев не столько через их действия, сколько через их диалоги, размышления и сомнения, высказанные в слух, через их озвученные желания, оценки ситуации, решения и пр.

В этом отношении рассказ «Сельские жители» очень характерно демонстрирует особенности авторского подхода В. М. Шукшина к

изображению русской деревни. В отличие от многих других писателей-«деревенщиков» (и более ранних авторов тем более) В. М. Шукшин как никто другой заставил знакомую ему с детства, глубинную русскую деревню заговорить. Все его рассказы с избытком наполнены диалогами персонажей, и в этом смысле они очень постановочны – их легко ставить на сцене, представлять драматургически, поскольку в деревенских рассказах писателя между героями постоянно происходит интерактивное взаимодействие, прежде всего, словесно-речевое.

Через это постоянное говорение героев друг с другом В. М. Шукшин добивается уникального эффекта: в его малой прозе старая, во многом патриархальная, опасаящаяся всего нового, но в то же время остро любопытствующая о нем деревенская Россия обретает полноценный голос – такой, какого не было прежде ни у Н. А. Некрасова, писавшего «Кому на Руси жить хорошо», ни у А. Ф. Писемского в «Очерках из крестьянского быта», ни у П.И. Мельникова-Печерского и Н.С. Лескова в их рассказах, ни, наконец, у раннего Л.Н. Толстого и писателей русской демократической прозы 1860-х годов и представителей русского реализма второй половины XIX века. В. М. Шукшин не просто дает голос деревенским жителям – он представляет на страницах своих произведений все пестрое народное многоголосие.

В отличие от многих писателей, которые и до, и после него писали о русской деревне, В. М. Шукшин не столько описывает героев привычной ему деревенской и сельской среды России со стороны (как автор-повествователь), сколько предоставляет им возможность высказаться, действуя при этом как драматург, основное пространство рассказа отдавая под диалоги и монологи, взаимодействие героев. При этом каждый «голос из народа» у Шукшина звучит «наособицу», не только потому что каждый деревенский житель в его рассказах – уникален и имеет свой характер, но и потому, что сам писатель уделяет немало внимания речи персонажей, постоянно оставляя о ней очень яркие, говорящие ремарки.

Так, в рассказе «Игнаха приехал» писатель подчеркивает, что главный герой не просто говорит, а «гаркает», «гудит» - так, что его одергивают: «Неужели нельзя потише?... Что за манера!». В другом рассказе «Мастер» свой голос имеет каждый из героев. Например, непревзойденный столяр Семка Рысь, как замечает писатель, не просто говорит, а «весело лается», любит «поорать, позубоскалить». С другой стороны, митрополит, к которому приходит Семка, несмотря на то что крупный, седой и уже старик, говорит «неожиданно тоненьким голосом». И так у Шукшина – со многими героями, которых он выводит на авансцену повествования. Каждый из них предстает у писателя отдельным голосом из пестрого народного «хора».

Закономерно при этом, что, давая высказаться народу, которым писатель искренне увлечен и любит, свое присутствие как автора-повествователя в тексте рассказов во многих случаях он сводит лишь к небольшим вставкам-комментариям или вставкам-описаниям. Они, как ремарки драматурга в пьесе, призваны лишь объяснить читателю, что и в какой момент делают персонажи. В остальное время автор-повествователь старается раствориться за диалогом или полилогом героев: он его слышит, фиксирует и в неизменном виде, со всеми характерными оговорками, деревенскими фразочками, присказками и прибаутками старается передать читателю. Благодаря этому читатель получает уникальную возможность – услышать во всей ее красоте, неповторимости, ядрености и колоритности живую речь глубинного русского народа, подчас особо не ограниченную воспитанием и образованием, но зато наполненную естественным, глубинным дыханием русского языка, его многовековой красотой.

Безусловным достоинством всех рассказов В. М. Шукшина, образующих собой корпус его «деревенской прозы», является именно то, что он предоставил в них возможность свободно, беспрепятственно, без какой-либо внешней литературной редакции звучать живой, естественной, «от сохи» деревенской речи. Его герои, как, пожалуй, никто другой в русской

«деревенской прозе», много и охотно говорят друг с другом, спорят и полемизируют.

В этих бесконечных разговорах раскрываются и характеры шукшинских деревенских жителей, и их менталитет, и ценности, и чаяния, и все, чем они живут в своей обычной и малозаметной со стороны, особенно из городов, жизни. Можно говорить, что благодаря В. М. Шукшину «голос» русской деревни, какой она была в середине XX века, навсегда был запечатлен для потомков, что позволило сохранить его хоть и художественный, но очень реалистичный и правдоподобный образ, к сожалению, многим из нас, сегодняшних, уже незнакомый и непривычный.

Каждый из шукшинских деревенских персонажей – это не просто носитель живого русского языка. Он еще – и носитель тех или иных нутряных, исконных, глубинных национальных русских черт. Поэтому наблюдая за персонажами рассказов писателя, погружаясь в их чаяния, конфликты, споры и диалоги, читатель получает уникальную возможность составить себе объемное, стереоскопическое представление о самом русском народе и его характере – в том его виде, в каком он существовал испокон веку в русских деревнях и селах, чей быт и уклад до революционных потрясений начала XX века оставался в целом неизменным на протяжении веков.

Слушая разговоры деревенских обитателей из рассказов В. М. Шукшина, современный читатель получает возможность, таким образом, прикоснуться к своим глубинным корням, понять истоки себя, своего собственного характера, осознать, откуда периодически в его собственной речи вдруг проскальзывают слова и выражения, уходящие своими корнями в то прошлое русской жизни, которое стремительно уходит из бытия.

Для В. М. Шукшина русская деревня с ее говорливыми персонажами – это «уходящая натура» русской жизни, которую он не просто стремится запечатлеть во всем ее своеобразии, но которой он, прежде всего, любит, как любит коллекционер всякой уникальной редкостью, даже если ее

материальная ценность невелика, но духовная, нравственная – неоценима, поскольку каждая такая редкость – это подлинный свидетель эпохи, следов которой уже почти не осталось.

Шукшинские деревенские жители, щедро наполняющие собой его рассказы, являются именно такими почти ископаемыми редкостями, которых в городах почти не встретишь, но которые, зато, еще полноценно сохранились в маленьких деревнях, поселках и селах русской глубинки. Каждую такую «редкость» В. М. Шукшин в своих рассказах показывает с вниманием и любовью. Именно потому каждый, даже небольшой персонаж в его произведениях – это хорошо выписанный (в художественном плане), уникальный по своим личностным чертам характер, со своими «чудинками» и особенностями, делающими его непохожим на остальных.

Так, бабка Маланья в рассказе «Сельские жители» - строгая, «энергичная, жилистая, крикливая» и при этом очень любознательная. В свою очередь ее внук Шурка – «тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый». «На особицу» в рассказе стоит Егор Лизунов. Прямых эпитетов, описывающих характер героя, В. М. Шукшин в произведении избегает, однако исчерпывающе и полно живописует его характер и образ через краткие ремарки о его внешности («заскорюзлые ладони», «седеющие потные волосы», запах сена и сбруи, который сопровождает героя при входе в избу и пр.) и через лаконичные характеристики его действий («Егор выпил, смачно крякнул, разладил усы», «достал кисет, закурил, выпустил из-под усов громадное белое облако дыма», «поудобнее устроился на стуле, закурил новую, опять посмотрел на четверть»).

Благодаря такому вниманию автора к образам персонажей акцент в рассказах В. М. Шукшина неизбежно переносится с внешнего фабульного действия на внутреннее, связанное со взаимодействием характеров, их позиций, мировоззрений и пр. За счет этого даже в небольшом по объему рассказе у писателя нередко разворачивается несколько микросюжетных

линий, в ходе которых, сталкиваясь между собой характерами, позициями, герои произведения раскрывают себя с разных сторон, показывают сущность своей натуры. Так, в рассказе «Сельские жители» одна микросюжетная линия связана со взаимодействием, столкновением и противостоянием бабки Маланьи и ее внука Шурки, который иронизирует над многими ее поступками и действиями, другая – со взаимодействием и скрытым противостоянием бабки Маланьи и Егора Лизунова, увлекшегося маланьиным пивом, в котором бабка Маланья после четвертого выпитого стакана его ограничила.

Важнейшим достоинством «деревенской прозы» В. М. Шукшина является то, что драматичные и зачастую трагичные эпизоды деревенской жизни у него часто уводятся на периферию повествования. Например, в «Сельских жителях» он лишь коротко упоминает судьбу дочери бабки Маланьи, у которой «не клеилась личная жизнь (третий раз вышла замуж)», однако детально в перипетии личных жизненных проблем героини не углубляется. На первый план зачастую Шукшин выводит светлые, забавные истории из деревенского быта и нравов.

Точно так же и социальные проблемы, и неизбежные общественные и производственные неурядицы русской деревни XX века В. М. Шукшин обычно не выдвигает на первый план, хотя мимоходом то тут, то там их отмечает. Так, в рассказе «Сельские жители» Егор Лизунов между делом в диалоге с бабкой Маланьей отпускает реплику с критикой бесхозяйственности деревенских «деятелей», которые не вывезли сено летом, а после того, как дороги занесло, были вынуждены «пластаться», чтоб «насилу к ближним стогам пробиться».

В этом также состоит своеобразие художественной манеры писателя В. М. Шукшина, которая проявляет себя в полной мере в его «деревенской прозе»: остро социальное и остро драматическое в ней не вуалируется, но уводится писателем на второй, фоновый план повествования, не становясь при этом объектом непосредственного изучения.

Поверх этого фона гораздо более ярко, сочно и живо писатель выписывает образы обычных персонажей из русской деревенской жизни – сухонькой, энергичной и любопытной бабки Маланьи («Сельская жизнь»), «недоразвитого и придурковатого», по общему мнению односельчан, Гриньки Малюгина («Гринька Малюгин»), «сухого, жилистого, легкого на ногу», «с круглыми изжелта-серыми смелыми глазами, с прямым тонким носом, рябоватого, с крутой ломаной бровью, не то очень злого, не то красивого», «смахивающего на какую-то птицу» шофера Пашку Холманского («Классный водитель»), «красивого, в черном костюме из польского крепа» Игнатия («Игнаха приехал») и многих других.

Однако, надо отметить, что драматизм и даже трагизм деревенского бытия Шукшин приглушает далеко не всегда. Иногда, когда сама натура героя словно изначально, с самого своего рождения просит «бури и натиска», писатель показывает и во всех значимых подробностях обнажает перед читателем всю глубину и трагизм жизненной драмы, до переживания которой могут возвышаться, казалось бы, его обычные деревенские знакомцы.

Ярким примером тому может служить рассказ «Сураз». Главным героем произведения становится деревенский парень Спирька Расторгуев, в котором уже с раннего детства окружающие замечали нечто байроническое (например, учительница немецкого языка в школе – «тихая обидчивая старушка из эвакуированных, пристально рассматривая Спирьку, говорила с удивлением: «Байрон!... Это поразительно, как похож!»). И, как показывает в дальнейшем писатель, это внешнее сходство с Байроном, которое так сердило самого Спирьку, было у героя явно не случайным. Это показывает вся его судьба, которая в рассказе Шукшина удивительным образом от самого детства до смерти персонажа разворачивается перед читателем. Его Спирька Расторгуев – безусловно, деревенский Байрон, вечно бунтующий против мира, правил человеческого общежития, вечно одинокий, даже в кругу приятелей и друзей байронический герой. И не случайно именно его

судьба разворачивается сперва в любовную драму, а затем – возвышается до бытийной по своей силе трагедии, когда Спирька, бесконечно любивший жизнь и на протяжении более чем тридцати лет своей жизни бунтовавший против условностей и ограничений, неожиданно прозревает, что после пережитого унижения (был побит мужем возлюбленной) и своей неспособности ответить обидчику, «собственная жизнь вдруг ему опостылела, показалась чудовищно лишённой смысла».

Удивительно, но простой и, казалось бы, незамысловатый деревенский парень Спирька в рассказе В. М. Шукшина, по сути, переживает трагедию, ничуть не уступающую по силе эмоций и накалу чувств шекспировским трагедиям и их знатными персонажами. Погружаясь в плотную и разнообразную «ткань» русской деревенской жизни, В. М. Шукшин обнаруживает, что она полна не только увлекающимися «чудиками», не только характерными и легко узнаваемыми деревенскими типами. Писатель открывает, что в русской деревни рождаются порой и настоящие бунтари в духе Байрона, способные сильно любить и столь же сильно ненавидеть, совершать необдуманные поступки и терять интерес к жизни, будучи униженными и оскорбленными. Финал рассказа, где происходит трагическая гибель Спирьки Расторгуева от выстрела прямо в сердце, - по силе воздействия на читателя вполне сравнима с финалами шекспировских трагедий. Писатель умело показывает, что и обычные деревенские русские жители способны так сильно любить, так сильно ненавидеть и так остро разочаровываться в жизни, что оказываются способными на крайний шаг – добровольное расставание с самой жизнью, которая вдруг утрачивает для героя всякий смысл.

Исследователи творчества В. М. Шукшина отмечают, что герои писателя, очень разнообразны. И среди них есть не только чудики, бунтари, увлеченные фанатики идеи. Многие его «простые деревенские жители, по натуре философы. Все они в той или иной мере представляют у В.М. Шукшина современную эманацию знакомого нам уже по русской

классической литературе типа «маленького человека», который, несмотря на революции, не исчез со времен Гоголя, Пушкина и Достоевского» [11].

С этим утверждением вполне можно согласиться, потому что, действительно, если смотреть с социальной точки зрения, то каждый герой шукшинской малой прозы – это обычный человек, каких много в бесчисленных русских деревнях и селах. Однако своеобразие того, как В. М. Шукшин продолжает традицию русской классической литературы в изображении «маленького человека», заключается в том, что каждый «маленький» шукшинский деревенский человек – внутренне велик и не соразмерен своей социальной «малости». Таков и непримиримый бунтарь Спирька Распутин из рассказа «Сураз», и жаждущий познания тайн природы и поклоняющийся микроскопу деревенский житель Андрей Ерин из рассказа «Микроскоп», и удивительный мастер на все руки, возмечтавший возродить заброшенную деревенскую церковь Семка Рысь из рассказа «Мастер», и много других героев пестрых деревенских рассказов В. М. Шукшина.

Его герои не складываются в галерею однотипных, схожих между собой художественных образов маленького человека, вызывающих презрение, как у Н. В. Гоголя, или создающих впечатление «униженных и оскорбленных», как у Ф. М. Достоевского. Каждый из деревенских персонажей шукшинской малой прозы – это уникальная по своему характеру, внешности, мировоззрению, самостоятельная по манере поведения личность, с неповторимой судьбой, отличительным говором, характерными привычками и замашками. Все они писателем рисуются как самодостаточные, самостийные отдельные личности, и именно из таких личностей в конечном итоге у В. М. Шукшина складывается оригинальный, характерный только для него образ русской деревни – единой во многих лицах, похожей на лоскутное одеяло, где каждый новый «лоскуток» органично вплетен в общую ткань художественного повествования «деревенской прозы» писателя.

Главным достоинством того, как писатель изображает русскую деревню, является то, что она предстает у Шукшина живой и кипучей. Несмотря на то, что где-то вдалеке существует город, куда уезжает сельская молодежь и где растут, не видя своих деревенских стариков, городские внуки, несмотря на то что вдалеке грохочет мощная и наседающая на сельскую Россию городская цивилизация, тем не менее, сама по себе шукшинская деревня далека от умирания. И главное доказательство тому – живые, энергичные, вечно в чем-то постоянно «чудящие» герои рассказов В. М. Шукшина. В них всех очень много глубинной энергии жизни – простой, естественной, незамысловатой, но при этом осмысленной. Такой, какой всегда была издревле жизнь в русских деревнях и селах.

Исследователи прозы В. М. Шукшина отмечают еще одну важную, характерологическую особенность того, как писатель изображает жизнь русской деревни в своих рассказах. Как пишут П.А. Гончаров и Е.Л. Стрыгина, писатель делает акцент на «коллективистском образе жизни» русской деревни, который он «настойчиво воссоздает (...) в рассказах на деревенскую тему» [12, с. 159]. Наиболее ярко коллективистское свойство крестьянского сознания шукшинских героев, как полагают исследователи, было показано писателем в сцене у ворот в рассказе «Сельские жители», где бабка Маланья делится со всеми соседями своими планами поездки в Москву.

Однако не только в «Сельских жителях» у Шукшина прослеживается коллективистское, соборное начало русской деревенской жизни, которое искони присуще русскому народу, русской ментальности. Одним из наиболее пронзительных произведений этого плана является рассказ «Мастер», где главный герой Семка Рысь, движимый стремлением к соборности и глубинным, чистым пониманием красоты мира и творения рук человеческих, увлекается идеей восстановить собственными народными силами давно заброшенный деревенский храм.

Не будучи крещеным и верующим, Семка Рысь, тем не менее, при столкновении с подлинным искусством и настоящей, невыдуманной духовностью, символом которой в рассказе становится заброшенная церковь в деревне Талице, душевно пробуждается. Сам того не осознавая, Семка слышит влекущий его на благие дела голос русской Церкви, голос соборности, и в нем пробуждается желание самому что-то сделать для восстановления некогда попорченной людьми красоты и величия.

В поисках единомышленников, которые бы поддержали его в благом начинании, Семка Рысь обходит округу: обращается и к местному батюшке, и к митрополиту, и к светским властям в лице руководства облисполкома. Однако его призыв к коллективному действию, к соборности во имя благого дела не находит поддержки нигде, и это становится жизненной драмой для героя. Получив везде отказ, столкнувшись с холодной отповедью относительно красоты и уникальности Талицкого храма в кабинете областного чиновника Завадского, Семка Рысь в итоге разочаровывается в своей идее. И финал рассказа Шукшина звучит драматично, почти трагично. Герой отказывается от своей мечты – высокой идеи возродить Храм, потому что осознает, что былой коллективизм, соборность в народе России утрачены безвозвратно и не поддаются возрождению, как не имеется и возможностей к восстановлению и прекрасной старинной церкви, которая никому в современный век не интересна только потому, что была создана не в глубокой древности, а в относительно недалеком прошлом, и потому, что Москва не видит целесообразности в ее возрождении.

Следует отметить, что у В. М. Шукшина с годами мотив разочарования, утраты, потери стал все чаще проникать в ткань его деревенской прозы. Если ранние деревенские рассказы писателя были в большей мере исполнены светлого юмора, теплой иронии, любования деревенскими характерами и удивительными жизненными сюжетами, которые неизбежно возникают в жизни крестьян, то в зрелом творчестве писателя деревенская тема приобретает все более драматическое, горькое

звучание. Во многом это связано с тем, что в своих более поздних рассказах Шукшин все чаще обращался к осмыслению проблемы разрыва естественных связей людей с деревней, проблемы отъезда деревенских жителей в города и тех удручающих метаморфоз, к которым эта городская жизнь приводит бывших сельчан.

В одних случаях, как, например, в рассказе «Срезал» писатель рисует главного героя – родившегося в деревне, но давно уехавшего из нее и состоявшегося в городе ученого, кандидата наук. Герой рассказа стал совершенно городским жителем, с городскими привычками, замашками и апломбом. Некогда родная для него деревня теперь – лишь место, где можно временно погостить. И приезжая на малую родину, он не испытывает тех чувств, которые должен испытывать человек, возвращаясь к колыбели, которая тебя вскормила. Городской ученый ведет себя с деревенскими жителями высокомерно, самодовольно, обращается с деревенскими мужиками наигранно, фальшиво. Его речь выдает его фальшь: обращение «друзья» звучит высокопарно и неискренне. Выводя на первый план такого персонажа, В. М. Шукшин обратился к социальной критике тех русских людей, которые забывают свои деревенские корни, свои истоки. Таких писатель изображает нелепыми, смешными. Симпатии самого писателя – не на стороне этих образованных, городских прощелыг, горожан в первом поколении, которые отрекаются от своих корней и всю стремятся показать окружающим, что не имеют ничего общего с отсталой и старомодной деревней, с ее «косностью и бескультурием». Для Шукшина – это Иваны, не помнящие родства, люди, предающие свою историю, культуру, свой народ. Поэтому в изображении таких героев писатель беспощаден. Он показывает их смешными, нелепыми в их спеси, несостоятельными. Жизненная правда и истина у Шукшина – на стороне деревни, народа – таких, какими они были издревле и какими до сих пор остаются там, где их не касается тлетворное влияние города.

Одним из наиболее знаковых рассказов в деревенской прозе В.М. Шукшина является рассказ «Выбираю деревню на жительство». Само название произведения во многом символично и имеет двойной смысл. С одной стороны, такое название отражает фразу главного героя произведения Николая Григорьевича Кузовникова, который, некогда в юности уехав из деревни и состоявшись в городе, под старость лет стал испытывать странное томление по деревне, желание вернуться к деревенской жизни. И тем деревенским мужикам, с которыми он вступал в беседы на железнодорожном вокзале, он неизменно говорил эту фразу, что мечтает уехать из города и выбирает деревню на жительство. С другой стороны, в названии рассказа звучит и лозунг самого писателя В. М. Шукшина, который и сам, уехав из деревни в город, всегда мечтал вернуться и жить в деревне, в той среде, родство с которой он остро чувствовал на протяжении всей жизни и которая всю жизнь давала ему материал для литературного творчества.

Однако драматизм истории, показанной в рассказе, состоит в том, что его герой, провозглашая желание вернуться на жительство в деревню и даже бурно вступая в обсуждения этой идеи, де-факто никаких реальных действий к возврату в родную деревенскую среду не предпринимал и, судя по финалу произведения, не предпримет и в будущем. Николай Григорьевич Кузовников в деревенской прозе Шукшина становится символом той эпохи, когда на фоне стремительного роста городов русские деревни стали потихоньку умирать. Деревенские жители, такие, как Кузовников, уезжая в города и оставаясь там работать, жить, растить детей, совершают экзистенциальный и, к сожалению автора, необратимый выбор. Их разрыв с деревенскими корнями – окончательный и необратимый, несмотря даже на то, что сами герои могут искренне хотеть вернуться в лоно деревенской родины. Пример Николая Григорьевича Кузовникова показывает, что такой возврат невозможен не столько физически (деревни на Руси остались, и их довольно много, есть куда возвращаться), сколько метафизически, ментально. Кузовников у Шукшина – уже не деревенский житель не потому,

что продолжает жить в городе, несмотря на тягу к деревне, а потому, что он утратил присущую некогда деревенским жителям чистоту, наивность, деревенские правила жизни. Как показывает Шукшин, его герой Кузовников, приехав в город, стал жить не так, как того требовал старинный деревенский уклад и правила деревенского общежития.

Не случайно в начале рассказа писатель дает большой пассаж о совести, а если быть точнее – о том, что в городе Николая Григорьевича Кузовникова перестала беспокоить совесть, несмотря на то мелкое воровство, которое стало для него обыденным в его работе на городском складе. «С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила», – указывает писатель. Именно эта самоуспокоенность там, где нельзя самоуспокаиваться, где истинного деревенского жителя бы беспокоила и терзала совесть, говорит у Шукшина о той необратимой метаморфозе, которая происходит с бывшими деревенскими жителями в городах. Эту же самоуспокоенность герой демонстрирует и в ситуациях, когда, пообщавшись вдоволь с деревенскими мужиками, он возвращается снова к себе домой, в комфортную городскую квартиру и не столько забывает о своем желании вернуться в деревню, сколько осознает, что никуда не он на самом деле не собирался ехать, ни в какую деревню, ничего подобного в голове не держал. А все походы героя на вокзал, все его бесчисленные разговоры с деревенскими жителями о том, чтобы вернуться в деревню – не более чем выработанный условный рефлекс, автоматизм, за которым нет реального устремления к практическому действию.

Можно говорить о том, что в образе Николая Григорьевича Кузовникова писатель В. М. Шукшин символически и горько осмыслил историческую судьбу русской деревни в XX веке. В его понимании – это судьба сродни судьбе деревенского человека, уходящего от своих родных корней, отрывающегося от них, переживающего в городе разительную метаморфозу и в конце концов превращающегося в городского жителя – самоуспокоенного, самодовольного, привыкшего к комфорту, еще

рефлексивно испытывающего тягу к далекой деревенской родине, но уже не имеющего ни моральных, ни физических сил вернуться к своим корням и истокам. По мысли позднего В. М. Шукшина, эта метаморфоза деревенских жителей в городских во многом исторически неизбежна, как неизбежна и постепенная утрата деревень на фоне стремительного роста городов.

Свои рассказы о деревне и деревенских жителях В. М. Шукшин писал во многом не потому, что хотел вернуть горожан в деревню, а потому что осознавал всю неизбежность утраты деревенской культуры и стремился как можно больше сохранить неповторимую атмосферу деревенского быта, жизни и человеческих взаимоотношений – как память о той естественной и родной среде, из которой мы все в той или иной мере вышли. Для Шукшина уходящая, цельная в своей натуре и при этом пестрая в ярком калейдоскопе своих персонажей русская деревня – это тот нравственный идеал, который близок писателю и которым он меряет ценность всех прочих событий в жизни.

2.2 «Реквием» по деревне в «деревенской прозе» В.Г. Распутина и В.П. Астафьева

В середине и второй половине XX века значительный вклад в развитие «деревенской прозы» в российской словесности внес не только В. М. Шукшин, мастер небольших рассказов, но и авторы более крупных прозаических произведений о русской деревне, в частности, В. Распутин и В. Астафьев.

Как отмечает Г. К. Нурмухамбетова, «В.Г. Распутин – одна из центральных фигур литературного процесса второй половины XX века. Практически все произведения В.Г. Распутина конца 1960-х – начала 1980-х годов признаны классическими и заслуженно входят в сокровищницу русской литературы» [29]. Во многом В. Г. Распутин относят к классикам русской словесности, поскольку в его творчестве органично соединились

между собой традиции, присущие классической русской литературе, и современная, актуальная проблематика, во многом имеющая острое, злободневное, социальное звучание.

Особого внимания заслуживает творчество В. Г. Распутина в свете изучения «деревенской прозы», поскольку он, как считают исследователи, вывел «деревенскую» литературу России середины XX века на качественно новый этап развития. Творчество В.Г. Распутина, посвященное историческим судьбам русской деревни, более философично и экзистенциально по своей проблематике, чем произведения других писателей-«деревенщиков», его современников. В своих произведениях В. Г. Распутин, как никто другой, обращался к глубокому осмыслению корневых, сущностных основ жизни русского народа, пытался постичь саму сущность народного бытия.

Отличительной особенностью «деревенской» прозы В. Г. Распутина является также предельно усиленное нравственно-философское звучание, а также стремление писателя создать целостную картину бытия деревенского мира, где в единстве существует мир природы, истории и сущностного человеческого бытия.

Шедеврами русской «деревенской прозы» в творчестве В. Г. Распутина считаются такие произведения, как «Живи и помни», «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар». Все эти произведения, каждое из которых имеет свой сюжет и фабульно не связано с другими, тем не менее, имеют много общего, и главное – это обращенность писателя в них к миру русской деревни, судьба которой в XX веке оказалась под угрозой исчезновения под натиском механистической городской цивилизации и варварского отношения человека к собственной истории и природе.

Наиболее хорошо, точно эту угрозу описал в свое время Ф. Абрамов, который, исследуя причины острого и проблемного разговора о деревне, который вела отечественная литература в 1960-70-е годы, писал: «Деревня – это глубины России, почва, на которой выросла и расцвела наша культура. Вместе с тем научно-техническая революция, в век которой мы живем,

коснулась деревни очень основательно. Техника изменила не только тип хозяйствования, но и самый тип крестьянина... Вместе со старинным укладом уходит в небытие нравственный тип. Традиционная Россия переворачивает последние страницы своей тысячелетней истории. Интерес ко всем этим явлениям в литературе закономерен... Сходят на нет традиционные ремесла, исчезают местные особенности крестьянского жилища, которые складывались веками... Серьезные потери несет язык. Деревня всегда говорила на более богатом языке, чем город, сейчас эта свежесть выщелачивается, размывается...» [5].

В. Г. Распутин начинает подступать к проблеме нравственной, а затем и физической гибели русской деревни постепенно. Сперва в повести «Живи и помни» сюжетное действие разворачивается в последние месяцы войны, и в центре художественного внимания писателя оказывается трагическая судьба русской женщины из глубинной сибирской деревни, которая узнает, что ее муж оказался дезертиром. Первоначально эта книга В. Г. Распутина была воспринята критикой как произведение о войне, пробующей человека «на излом», о дезертире, который после госпиталя не смог заставить себя снова заглянуть в глаза смерти.

Однако для самого автора более значимой в его повести была не военная проблематика, а образ главной героини – Настёны, простой и загадочной, «как темные воды Ангары», поманившие ее звоном «тысячи колокольчиков», русской женщины, которая в книге выступает как носитель духовно-нравственного «кода» русской деревни, народной нравственности. Именно поэтому писатель не воспринимал повесть как военную. С этим соглашаются и современные критики. Например, А. А. Дырдин, несмотря на привязку сюжета произведения к военной проблематике, назвал «Живи и помни» В. Г. Распутина «невоенной повестью» [15, с. 18-19] и одновременно с этим «повестью-трагедией» [15, с. 18-19].

Обосновывая свое видение произведения, А. А. Дырдин справедливо отметил, что сюжетным центром «Живи и помни» является не война и не

связанные с войной события, а «судьба двух родных людей, с которой связана постановка самых насущных проблем национальной жизни. Действие повести разворачивается далеко от фронта. Извечные для народного сознания темы дома, семьи, любви, воли и её утраты, правды и совести сплетены с живым многоголосием времени «редкого единения людей» (В. Распутин). Изломы психологии героев показаны здесь в свете «основных ценностей, вручённых нации при рождении»» [15, с. 18-19]. Таким образом, А. А. Дырдин вполне справедливо указывает, что сведение содержания повести «Живи и помни» только к военной части сюжета неоправданно, поскольку это существенно обедняет произведение, художественное содержание которого существенно глубже, философичнее, экзистенциальнее.

Схожий подход к видению произведения предложила и С. Ю. Королева, которая полагает, что «Живи и помни» В. Г. Распутина в художественном отношении представляет находится на стыке двух жанров – «деревенской» и «военной» прозы [22, с. 260].

Герои «Живи и помни» В. Г. Распутина – это простые русские люди, которые волею судьбы оказались на переломе истории. Им довелось пережить военное лихолетье, и это стало для них не только и не столько физическим, сколько моральным, душевно-нравственным испытанием. Глухая сибирская деревушка у В. Г. Распутина оказывается местом, где развивается драма поистине общечеловеческого масштаба. В личный, психологический и одновременно философский, морально-нравственный конфликт в «Живи и помни» вступают самые близкие люди – муж и жена. И им, простым русским людям, затерянным в сибирской деревенской глуши, приходится непосредственно решать самые последние философские вопросы бытия, вопросы жизни и смерти, «преступления и наказания».

Морально-нравственной основой для разрешения этих вопросов в «Живи и помни» выступает исконная, извечная, идущая их глубины веков народная нравственность, присущая обитателям русской деревни. В свете

этого старинного нравственного идеала В. Г. Распутин фактически по-новому переосмысляет сюжет романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: его главный герой Гуськов предстает в произведении как человек, который, как некогда студент Раскольников, совершая преступление (допуская дезертирство), ставит себя вне мира людей, за рамки народной нравственности. Совершая предательство глубинного нравственного идеала в себе, присущего русскому народу, он одновременно предает самого себя, свои корни, свою деревню, свою родину.

Описывая военно-деревенскую драму в «Живи и помни», В. Г. Распутин художественно показывает читателю, что, если человек допускает нарушение глубинного нравственного закона своего народа, бережно хранимого в русских деревнях и селах, это провоцирует необратимые последствия: «неизбежно происходит «цепная реакция» преступлений перед людьми...несет страдание самым преданным и близким».

Тема нравственного предательства, философски поднятая В. Г. Распутиным в «Живи и помни», в дальнейшем с новой силой и особым звучанием будет заявлена одним из наиболее острых и одновременно глубоко философских произведений «деревенской прозы» писателя – повести «Прощание с Матерой». Д. Ларионов, осмысляя содержание этой книги, отметил, что «Прощание с Матерой» – это «вершина деревенской прозы» [23] В. Г. Распутина.

Такой вывод вполне закономерен и оправдан, поскольку в «Прощании с Матерой» писатель максимально остро, экзистенциально ставит вопрос о том, есть ли перспективы у русской деревни и всей той духовно-нравственной культуры, которая неразрывно связана и проистекает из самых корней деревенской жизни. «Прощание с Матерой» – это щемящая душу история о затоплении деревни Матёра и острова с тем же названием ради грандиозного строительства Братской ГЭС на берегах Ангары и создания искусственного моря там, где некогда веками жили люди. Согласно сюжету

произведения, на дно будущего моря в числе прочих должна уйти и старинная сибирская деревня Матёра – уйти вместе со всем тем, что составляло веками ее натуру, среду обитания: березками и соснами, «болотцем с лягушкой», вместе с покосами и кладбищем.

Матера становится центральным образом повести, а главными носителями культуры, истории, духовности и нравственности сибирской деревни выступают в повести В. Г. Распутина ее последние жители – глубокие старики, которые не могут с уничтожением родных могил, изб, в которых они родились, всего привычного уклада жизни, накрепко связанного с Матёрой.

Но, хотя В. Г. Распутин показывает великую преданность этих людей своей малой Родине, он предстает в произведении абсолютным реалистом. Его повествование говорит о том, что ход истории – неумолим, и как бы ни стремились сохранить свою деревню, ее последние, самые верные и преданные жители, Матера обречена. На нее железной пятой наступает механистическая, бездушная, городская, промышленная цивилизация. Гибель Матеры неизбежна, как и гибель всего того, символом и носителем чего она является: деревенской Руси, деревенской нравственности, особой деревенской общинной культуры, самой истории народа.

Не случайно, это глубоко драматическое произведение В. Г. Распутина, по мнению исследователей, представляет собой не что иное, как «плач» по традиционному крестьянскому укладу, исчезающему под натиском цивилизации и прогресса, как «реквием» по русской деревне, которая так дорога многим нашим соотечественникам, но которая неизбежно обречена на гибель под натиском мощной, безразличной к ней и внутренне бездушной цивилизации.

Эта тема «реквиема» по умирающей, убиваемой цивилизацией деревне звучит и в других произведениях писателя, например, в повести «Пожар», в которой заглавный образ произведения – пожар – становится глубоко символическим, говорящим. На Руси пожар издревле считался наиболее

опасным для деревень бедствием. Все здания в русских деревнях долгое время строились исключительно из дерева, так что в периоды летней жары срубы вспыхивали с быстротой молнии. Порою выгорали целые деревни и даже местности.

В. Г. Распутин воспользовался знакомой для многих метафорой пожаров для собственного размышления о трагических судьбах русской деревни в XX веке и ее жителей – сибирских крестьян, которые испытали и на себе перенесли и период коллективизации, и период раскулачивания, и время застоя, и эпоху гигантомании, когда происходило укрупнение деревень и ликвидация «неперспективных». Писатель показывает, как в прошлые времена и как сейчас русская деревня до сих пор испытывает пагубные последствия неразумного «хозяйствования», хищнического отношения к природным богатствам и людям.

В повести «Пожар» тема гибели русской деревни и связанной с ней деревенской культуры становится у писателя более философичной, символической и при этом более публицистичной.

Наблюдая умирание русской деревни, В. Г. Распутин стремится понять и осмыслить не только остро социальные, но и глубинные философские причины этой гибели. Отвечая на высказывания критиков о том, что повесть «Пожар» оказалась у В.Г. Распутина излишне публицистической, сам писатель замечал, что «никогда не видел непреодолимой преграды между собственно публицистикой и художественной прозой, считая, что «для русской литературы как раз характерна высокая публицистика, без неё русская литература никогда не существовала...» [18, с. 263-272].

И.П. Калинина отметила, что «Пожар» – это «семейная повесть», в том смысле, что она посвящена наметившемуся в позднем советском обществе угасанию, редукции семьи: бессемейные «архаровцы» оказываются и более многочисленными, и более «социально-активными» в сравнении с теми персонажами, которые олицетворяют для автора идею семьи, семейную гармонию. Распад семьи, который показывает В. Распутин в повести

«Пожар», является символом и знаком углубления того распада исконно русской культуры и нравственности, который символизировала в повести «Прощание с Матерой» уходящая под воду Матера. К середине 1980-х годов, когда была написана повесть «Пожар», писатель осознал, что уничтожение под натиском наступающей цивилизации старинного деревенского уклада жизни, исконной народной нравственности, некогда присущей русской деревни, получил свои последствия в виде распада семьи – первичной ячейки русского общества и общества вообще. В свете этого, как указывают исследователи, герои повести «Иван Петрович и его жена изображаются и воспринимаются (...) как «последние из могикан» некогда существовавшего гармоничного целого, именуемого «русская семья», «русская деревня». «Пожар» в этом плане был констатацией их если не гибели, то катастрофического состояния» [18] деревенской, исконной русской культуры и жизни.

Еще одним писателем-«деревенщиком», в прозаических произведениях которого так или иначе поднимались проблемы русской деревни, стал В. П. Астафьев (1924-2001). Писатель родился в Красноярском крае, детство его было трудным: мальчику было всего семь лет, когда погибла его мать. Она утонула в Енисее. Памяти матери, Лидии Ильиничны, он позднее посвятит повесть «Перевал». Оставшись без матери, Астафьев побывал в беспризорниках, воспитывался в детдоме. Позднее в газете «Чусовской рабочий» был опубликован первый рассказ Астафьева, и это положило начало его газетной, литературной работе, собственно творческой биографии.

В. П. Астафьев закончил Высшие литературные курсы, стал профессиональным литератором и в дальнейшем им были созданы многочисленные произведения о войне, мире, детстве, такие как «Перевал», «Стародуб», «Кража», «Звездопад», «Пастух и пастушка», «Последний поклон».

Однако, как полагает Д. Валикова, для отечественной литературы XX века и особенно для направления «деревенской прозы» особую значимость имеют те произведения В. П. Астафьева, в которых он обращается к проблеме судьбы русской деревни и которые подвели собой «горький итог» почти полувекового развития деревенской прозы [7].

Наиболее значимыми для русской «деревенской прозы» XX века в творчестве В. П. Астафьева стали такие произведения, как «Царь-рыба. Повествование в рассказах» (1972-1975), «Последний поклон» и «Ода русскому огороду», хотя самого писателя чаще относили к представителям не деревенской, а «военной прозы».

Во многом вывод Д. Валиковой о том, что произведения В. П. Астафьева стали финальной точкой и итогом развития «деревенской прозы» XX в., опирается на высказывание самого писателя, который говорил о себе и других представителях этого литературного направления: «Мы отпели последний плач (...) о бывшей деревне. Мы и воспевали её одновременно. Как говорится, восплакали хорошо, на достойном уровне, достойном нашей истории, нашей деревни, нашего крестьянства. Но это кончилось. Сейчас идут только жалкие подражания книгам, которые были созданы двадцать-тридцать лет назад» [7].

Сам В. П. Астафьев внес значительный вклад в этот завершающий аккорд «реквиема» по русской деревне, который возник и звучал почти столетия в русской литературе XX века. В своих произведениях писатель на материале русской деревни касался таких острых тем и проблем русского народа, как тема жизни поколений, тема природы, единства родового, социального и природного начал в русском народе.

Наиболее значимым произведением в «деревенской прозе» В. П. Астафьева стала повесть «Царь-рыба». Царь-рыбой издавна на Руси считался осетр, самая ценная промысловая рыба. В повести и в других рассказах цикла этот мифологический образ-символ гигантских размеров рыбы олицетворяет собой всю великую Природу, ее силу, мощь, над которой

человек не властен. Писатель в произведении показывает, что человек не может существовать без природы и ее даров, ресурсов, но при этом сама Природа во все времена вполне может обходиться без человека.

Царь-рыба в рассказе Астафьева становится образом природы-матери, которая несет в себе новое начало бытия – множество икринок, из которых появится новая жизнь. Одновременно образ царь-рыбы – это олицетворение судьбы человека, его нравственного начала, которое судит человека за его нравственные проступки и за варварское отношение к природе и воздает наказание. Так, в частности, происходит с главным героем произведения Зиновием Игнатьичем, которого столкновение с царь-рыбой заставляет вспомнить безнравственный поступок, который он совершил по отношению к любимой девушке Глаше. И это воспоминание приводит героя к раскаянию в содеянном. В.П. Астафьева показывает через судьбу героя, что, оказавшись на грани жизни и смерти, человек способен осознать свои грехи, признаться в них, покаяться, а за это получить очищение. Герой повести В. П. Астафьева пересматривает свои взгляды на жизнь, меняет отношение к природе и к людям.

Таким образом, в своем произведении В. П. Астафьев затрагивает целый ряд острых тем, осмысление и понимание которых непосредственно связано с жизнью и судьбой русской деревни в XX веке. Это тема отношения человека к природе, к людям, тема судьбы и наказания за деяния человека, темы раскаяния, очищения от грехов и, наконец, прощения. Все эти темы писатель раскрывает на материале традиционного и уходящего своими корнями вглубь веков мира русской деревни, с ее деревенским бытом, нравами, местным колоритом.

В рассказе «Царь-рыба» В.П. Астафьев раскрывает сущность человека через природу и величие природы через человека с помощью сравнений и метафор. Проза автора очень богата художественными средствами и приемами выразительности. Например, он использует прием обобщения, называя героя не по имени, а просто «человек». Также он использует

ассоциативные связи, просторечные слова, местный диалект, рисуя образ жизни рыбаков и отдавая дань той культурной и духовной традиции, которая формировала веками все это культурное богатство народа.

Опираясь на деревенский материал в плане сюжетики и образности, В.П. Астафьев в повести «Царь-рыба» учит читателей не просто беречь память о предках, о собственной культуре и истории, но и жить по высшим законам Природы и нравственной чистоты, рационально использовать природные дары, быть человечными по отношению к растениям, животным и людям. Всему этому веками человека учила деревенская жизнь, которая всегда была органично вписана в природу, в естественный природный цикл бытия.

Выводы

Проведенный в работе анализ художественного творчества трех ключевых писателей «деревенской прозы» показал, что это литературное течение в своих духовных исканиях и поисках ответов на самые острые, бытийные проблемы, прошло значительную эволюцию – от мягко-ироничных рассказов о деревенских жителях В. Шукшина до трагедийных повестей В. П. Распутина и В. Астафьева, повествующих об угрозе полной гибели деревенской культуры и нравственности в стране перед лицом наступления города, городской промышленной цивилизации. Если В. Шукшин только констатировал начало распада деревенской среды культуры и нравственности, то В.Г. Распутин и В.П. Астафьев в своих произведениях существенно углубили это понимание. Их произведения, острые, полемические, социально нацеленные стали фактически художественным «реквиемом» по деревне в «деревенской прозе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенный в выпускной квалификационной работе анализ был посвящен изучению нравственных исканий писателей русской «деревенской прозы».

Как показало исследование, духовно-нравственная проблематика является одной из ведущих в русской литературе на протяжении многих веков ее существования. Обозревая долгий, многовековой этап развития российской словесности, мы пришли к выводу о том, духовно-нравственные искания всегда были присущи представителям русской национальной литературы. В них нашли свое отражение важные, национально-характерные особенности русской души, русского национального характера. Они показывают, что не только сами русские писатели, литераторы, поэты всегда были заинтересованы в поиске духовно-нравственных идеалов, «света истины», смысла жизни, но и сами русские люди, для которых создавали свои произведения отечественные литераторы, одержимы этими поисками, стремятся к духовному совершенству и ищут ответы на сакраментальные вопросы человеческого бытия.

Важнейшим для многих писателей России XX века при исследовании духовно-нравственной проблематики стало обращение к образу русской деревни и интенсивный, глубокий, философский духовно-нравственный поиск ответов на вопрос, почему умирает русская деревня, а с ней – и все исконные, вековые основы русской народной нравственности, силы, оптимизма, веры в светлое будущее и пр. Писателей, вошедших в круг таких духовно-нравственных поисков, в середине столетия стали называть писателями-«деревенщиками» или представителями «деревенской прозы».

Как указывал А. Солженицын, «на рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошел не сразу замеченный беззвучный переворот, без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если б

никакого «соцреализма» не было объявлено и диктовано, - нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, кадения советскому режиму, как бы позабыв о нем. В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, поэтому (а отчасти из-за снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать деревенщиками. А правильно было бы назвать их нравственниками, ибо суть их литературного переворота возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью».

Представители «деревенской прозы» России XX в. сделали свои произведения о деревне, судьбах ее жителей существенной частью целостного литературного процесса страны. Авторы «деревенской прозы» стали первыми, кто на рубеже 1960-1970-х годов остро почувствовал надвигающуюся на русских людей общую беду – дефицит духовности, утрата нравственности, связи с глубинными основами русской, исконной, деревенской нравственности.

Деревенская жизнь и представители деревенской культуры в произведениях писателей-деревенщиков ценны не столько как социологические феномены, сколько как емкие художественные образы, в которых наиболее явственно выразились сдвиг, сбой, чувство распутья, переживаемые всем нашим обществом, всеми его слоями.

Важно отметить, что не умиление народом, а тревога за его духовное здоровье пронизывает сквозной нитью книги лучших представителей «деревенской прозы». В своих деревенских жителях такие писатели, как В.М. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев открыли перед отечественным читателем не легендарную успокоительную цельность, а драматический надрыв, разлом. При этом писатели «деревенской прозы» первыми начали активный поиск путей преодоления дефицита духовности. Свои попытки найти ответ на этот вопрос они предпринимали на путях исследования

глубинных основ нравственности, когда открылась корневая связь между философским постижением мира человеком и принципами его поведения в мире: нормами отношений его с другими людьми, со своим народом, с человечеством.

Проведенный в работе анализ художественного творчества трех ключевых писателей «деревенской прозы» показал, что это литературное течение в своих духовных исканиях и поисках ответов на самые острые, бытийные проблемы, прошло значительную эволюцию – от мягко-ироничных рассказов о деревенских жителях В. Шукшина до трагедийных повестей В. П. Распутина и В. Астафьева, повествующих об угрозе полной гибели деревенской культуры и нравственности в стране перед лицом наступления города, городской промышленной цивилизации. Если В. Шукшин только констатировал начало распада деревенской среды культуры и нравственности, то В.Г. Распутин и В.П. Астафьев в своих произведениях существенно углубили это понимание. Их произведения, острые, полемические, социально нацеленные, стали фактически художественным «реквиемом» по деревне в «деревенской прозе».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агарышев, А. Дом в произведении «Прощание с Матерой» / А. Агарышев. – URL: <https://proza.ru/2015/11/21/1494?ysclid=ldwr1421ga90227915> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
2. Байбордин, А. Г. Крестьянский лад. Василий Белов и деревенская проза / А. Г. Байбордин // Беловский сборник. Вып. 4. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – 432 с.
3. Барышева, О. А. Тема семьи и рода в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» / О. А. Барышева // Вестник Костромского государственного университета. – 2008. – № 14 (4). – С. 118-124.
4. Библия. Ветхий Завет. – Москва: Аксиос, 2003. – 1134 с.
5. Большакова, А. Ю. Феномен деревенской прозы / А. Ю. Большакова // Русская словесность. – 1999. – № 3. – С. 15-19.
6. В. Распутин: «Без деревни мы осиротеем» / В. Распутин. – URL: <https://archive.aif.ru/archive/1659316> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
7. Валикова, Д. Деревенская проза: создатели и герои / Д. Валикова. – URL: https://vk.com/doc189369972_652484682 (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
8. Виноградов, И.И. Духовные искания русской литературы / И. И. Виноградов. – Москва: Русский путь, 2005. – 89 с.
9. Воркачев, С. Г. Понятие смысла жизни в бытийном дискурсе / С. Г. Воркачев // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 2 (7). – С. 80-86.
10. В поисках смысла. – URL: <https://rcsz.ru/inf/vpoiskahsmisla.htm> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
11. Гагарина, Е. С. «Деревенская проза». Творчество В.М. Шукшина / Е. С. Гагарина. – URL: <https://multiurok.ru/files/derevenskaia-proza->

tvorchestvo-v-m-shukshina.html (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.

12. Гончаров, П. А. «Светлые души» В. Шукшина: от «производственной литературы» к «деревенской прозе» / П. А. Гончаров, Е. Л. Стрыгина // Интертекстуальность художественного дискурса. Материалы Всероссийской научной конференции, Астрахань, 20 апреля 2018 года / под ред. Е.Е. Завьяловой. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2018. – С. 158-166.

13. Давыдова, Т. Литература и менталитет / Т. Давыдова // Высшее образование в России. – 2001. – № 3. – С. 155-157.

14. Дорофеева, Л. Г. «Поучение» Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации / Л. Г. Дорофеева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2010. – № 8. – С. 97-101.

15. Дырдин, А.А. «Невоенная» повесть Валентина Распутина «Живи и помни» / А.А. Дырдин // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2017. – № 2. – С. 18-19.

16. Иванова, И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? / И. Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-1 (24). – С. 88-94.

17. Ильин, А. А. Мотив утраченного дома в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» / А. А. Ильин.- Москва, 1996.-65с.

18. Калинина, И.П. «Горит село, горит родное...»: истоки публицистичности повести В. Г. Распутина «Пожар» / И. П. Калинина // Пушкинские чтения. – 2012. – № XVII. – С. 263-272.

19. Ковтун, Н. В. Деревенская проза в зеркале утопии / Н. В. Ковтун. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 494 с.

20. Королева, С.Ю. «Деревенская проза» Ивана Федосеева / С. Ю. Королева // Живая старина. – 2015. – №4 (88). – С. 22-29.

21. Королёва, С.Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970-90-х годов : дис. ... канд. филол. Наук / С. Ю. Королева. – Пермь, 2006. 220 с.
22. Королёва, С.Ю. Между русской классикой и фольклором: идейно-стилевая традиция Ф. Достоевского и фольклорный нарратив в повести В. Распутина «Живи и помни» / С. Ю. Королева. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/20361/1/dc1-2011-39.pdf> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
23. Ларионов, Д. Комментарий // Распутин В. Г. Прощание с Матерой. – URL: <https://polka.academy/articles/625> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
24. Лескин, Д. Ю., О Церкви. О России. О школе: сборник научных статей / Д. Ю. Лескин. – Тольятти: Православная классическая гимназия, 2005. – 347 с.
25. Лескин, Д. Ю., Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли : дисс... доктора философских наук : 09.00.03 / Дмитрий Юрьевич Лескин. – Москва, 2006. – 377 с.
26. «Моление Даниила Заточника» // Литература Древней Руси: хрестоматия. – Москва: Высшая школа, 1990. – 544 с.
27. Немцев, М. Ю. «Метафизическая ситуация» в советской деревне: к философской и антропологической интерпретации «деревенских» рассказов В. М. Шукшина / М. Ю. Немцев // Идеи и идеалы. – 2012. – № 2 (12). – С. 33-35.
28. Новожеева, И. В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В. М. Шукшина) / И. В. Новожеева // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 219-223.
29. Нурмухамбетова, Г. К. Вклад В. Г. Распутина в деревенскую прозу / Г. К. Нурмухамбетова. – URL: <https://infourok.ru/vklad-v-g-rasputina-v->

derevenskuyu-prozu-1332253.html (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.

30. Осипова, А. А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В. П. Астафьева / А. А. Осипова. – Москва: Слово, 2012. – 220 с.

31. Отпели или пропели величальную? (Деревенщики: за и против) // Двина. – 2016. – № 4 (64). – С. 53-68.

32. Партэ, К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / К. Партэ. – Томск : Изд-во Томского университета, 2004. – 292 с.

33. Пищальникова, В. А. Русская деревенская проза как смысловое пространство существования этнических ценностей / В. А. Пищальникова, Чэнь Ваньжоу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 173-181.

34. Покусаева, Е. Александр Павлович Скафтымов / Е. Покусаева, А. Жук // Скафтымов, А.П. Нравственные искания русских писателей / А.П. Скафтымов. – Москва : Художественная литература, 1972. – 392 с.

35. «Поучение» Владимира Мономаха // Литература Древней Руси: хрестоматия. – Москва: Высшая школа, 1990. – 544 с.

36. Проект «Беловский круг» представляет: 10 фактов о роли Александра Твардовского в жизни писателей-деревенщиков. К 110-летию юбилею «отца» Василия Теркина. – URL: <https://vologda.bezformata.com/listnews/tvardovskogo-v-zhizni-pisatelej/85039400> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.

37. Пушкин, А. С. Не напрасно, не случайно / А. С. Пушкин. – URL: <https://vologda.bezformata.com/listnews/tvardovskogo-v-zhizni-pisatelej/85039400> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.

38. Пушкин, А. С. Мудрые мысли / А. С. Пушкин. – URL: http://www.epwr.ru/quotation/txt_427_7.php (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.

39. Пушкин, А. С. Если жизнь тебя обманет / А. С. Пушкин. – URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-esli-zhizn-tebya-obmanet>. – (дата обращения: 04.05.2023) Текст: электронный.
40. Разуvalова, А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. Разуvalова. – Москва: Литагент «НЛО», 2015. – 310 с.
41. Скафтымов, А.П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. – Москва: Художественная литература, 1972. – 544 с.
42. Сучкова, Н. Деревенская проза / Н. Сучкова. – Москва: Воймега, 2011. – 192 с.
43. Толстой, Л. Н. Путь жизни / Л. Н. Толстой. – URL: <https://www.livelib.ru/book/264674/read-put-zhizni-lev-tolstoj/~6> (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
44. Уманцева, Л. В. Нравственность и духовность в русской литературе (способы репрезентации) / Л. В. Уманцева. – Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. – 89 с.
45. Федотов, Г. П. Русская религиозность / Г. П. Федотов. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/russkaja-religioznost/1_43 (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
46. Черникова, Н.А. Русская «деревенская» проза второй половины XX в. В зеркале болгарской русистики / Н. А. Черникова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 1. – С. 93-96.
47. Чжао, Я. Переводы и исследования творчества В. Распутина и русской деревенской прозы в Китае / Я. Чжао // Мир русскоговорящих стран. – 2022. – № 1. – С. 46-59.
48. Шестакова, И. В. Онтологические основы «Деревенского» кинематографа В. Шукшина: фильм «Ваш сын и брат» / И. В. Шестакова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №6. – С. 413-415.

49. Шукшин, В. М. Калина красная: повести и рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Эксмо, 2004. – 768 с.

50. Я открываю Достоевского... – URL: https://vk.com/wall309226571_3568 (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.